„ПРОВ

Martinow. — Die socialdemokratischen Siege.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Iник
РСДРП

МАРТЫНОВЪ.

Соціальдемократическія побѣды

и

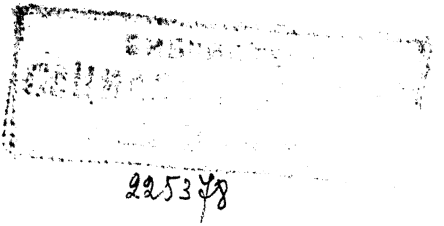
буржуазно-демократическіе реванши.

Оттискъ изъ № 5 „ЗАРИ“.

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27.
1904

„Пров 38“
„Пров 49“



225378

Соціальдемократическія побѣды и буржуазно-демократическіе реванши.

На предстоящемъ конгрессѣ въ Амстердамѣ наша партія подѣлится своимъ небогатымъ еще опытомъ по вопросамъ, которые стоятъ на очереди у международной соціальдемократіи. Я полагаю, что, со своей стороны, международная соціальдемократія могла бы несравненно больше почерпнуть изъ своего историческаго опыта для разрѣшенія вопросовъ, которые раздираютъ теперь нашу партію.[1]) Конечно, исторія не повторяется, и россійская соціальдемократія развивается пока при довольно своеобразныхъ условіяхъ. Но какъ бы они не были своеобразны, они являются только частной игрой тѣхъ же основныхъ тенденцій и идеологій, которыя боролись на международной соціалистической аренѣ и опредѣляли содержаніе исторіи западно Европейской соціальдемократіи. Нѣкоторые моменты этой исторіи, напримѣръ, эпоха расцвѣта и упадка Интернаціонала, предвосхитили даже лозунги дня и ходячія выраженія нашихъ теперешнихъ споровъ и разногласій. Изучая эту эпоху, русскій соціальдемократъ не разъ невольно воскликнетъ: „Ба! знакомыя все лица!!!“...

Эти общія соображенія побудили меня написать статью, которая отмѣчаетъ крупными вѣхами этапы, пройденные международной соціальдемократіей. Моя задача—показать, какъ международная *соціальдемократія* „черезъ промежуточные этапы и компромиссы, которые созданы не ею, а историческимъ развитіемъ, прозрѣвала и преслѣдовала свои конечныя цѣли“, какъ она, исходя изъ однѣхъ и тѣхъ же принциповъ марксизма, постоянно углубляла свою дѣятельность и свое сознаніе, обогащая его содержаніемъ пріобрѣтеннаго политическаго опыта. Моя задача показать, какъ *буржуазная демократія*, сыгравшая давно свою революціонную роль, брала реваншъ у исторіи каждый разъ, когда стихійное развитіе общественнаго процесса застигало врасплохъ соціальдемократію, какъ

[1]) Статья эта была написана за полтора мѣсяца до Амстердамскаго конгресса. Картина международнаго соціалистическаго движенія, которую передъ нами развернулъ этотъ конгрессъ, и принятыя имъ резолюціи только подтвердили правильность тѣхъ перспективъ международнаго соціализма, которыя я пытался намѣтить въ статьѣ.

въ этихъ случаяхъ буржуазная демократія подмѣнивала соціальдемократическія задачи своими, прикрывая ихъ соціалистической фразеологіей. При изложеніи этой исторіи, какъ я уже говорилъ, напрашиваются разныя умозаключенія, разныя аналогіи и сравненія съ русской современной дѣйствительностью. Но это я предоставляю дѣлать читателю: je ne propose rien, je ne suppose rien, j'expose.

* * *

Исторія международнаго движенія пролетаріата насчитываетъ три эпохи расцвѣта, смѣнявшіяся болѣе или менѣе продолжительными кризисами, и знаменательно, что каждый такой расцвѣтъ совпадалъ съ расцвѣтомъ марксизма и, обратно, наиболѣе острые „кризисы марксизма“ (въ 50-хъ и 70-хъ годахъ) были только идеологическимъ отраженіемъ „заминки“ въ соціалистическомъ движеніи пролетаріата. Такимъ образомъ, сами „кризисы марксизма“, по крайней мѣрѣ, наиболѣе острые и продолжительные, служатъ лишь показателемъ того, насколько это ученіе глубоко коренится въ общихъ условіяхъ поступательнаго движенія пролетаріата.

Первымъ шагомъ международной соціальдемократіи была организація Коммунистическаго Союза въ 47 г. прошлаго вѣка, который стянулъ въ Лондонъ нити коммунистическаго движенія изъ Швейцаріи, Германіи, Бельгіи и Франціи и замѣнилъ старый девизъ эгалитарнаго коммунизма — „Всѣ люди братья“ — новымъ — „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“. И съ самаго начала, какъ этотъ союзъ пріобрѣлъ международный характеръ, онъ принялъ программу Маркса и Энгельса: по его порученію написанъ былъ знаменитый Манифестъ.

Каково историческое значеніе этого Союза?

Уже его предтечи — французскія и нѣмецкія тайныя общества конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ знаменовали переломъ въ революціонномъ движеніи — возникновеніе пролетарскаго коммунизма и реакцію противъ заговорщическаго якобинства. *Это было начало того процесса размежеванія между соціальдемократіей и буржуазной демократіей*, который красной нитью проходитъ черезъ всю современную соціалистическую исторію. „Дѣло заговорщиковъ“, писалъ объ этой эпохѣ Марксъ въ „Neue Rheinische Revue“, „заключалось въ томъ, чтобъ предвосхитить революціонный процессъ развитія, чтобы искусственно привести его къ кризису, чтобъ съимпровизировать революцію при отсутствіи ея предпосылокъ. Единственнымъ условіемъ революціи для нихъ была — достаточная организація заговоровъ. Они были алхимики революціи и раздѣляли... ограниченность застывшихъ взглядовъ прежнихъ алхимиковъ. Они изощрялись въ изобрѣтеніяхъ, которыя должны были породить ре-

волюціонныя чудеса... Занятые подобнымъ прожектерствомъ, они не ставили себѣ другой цѣли, кромѣ ближайшей — низверженія существующаго правительства, и глубочайшимъ образомъ презирали теоретическое просвѣщеніе рабочихъ насчетъ ихъ классовыхъ интересовъ. Отсюда ихъ не пролетарская, а плебейская злоба противъ habits noirs..." По мѣрѣ того, какъ рабочіе становились главнымъ контингентомъ заговорщицкихъ обществъ, у нихъ завязывалась глухая борьба, какъ противъ задачъ, такъ и противъ формъ этихъ обществъ, борьба кончавшаяся либо расколомъ, либо проникновеніемъ старыхъ заговорщиковъ новыми коммунистическими идеями (Бланки). На мѣсто чисто республиканскаго идеала, новыя тайныя общества выдвигали коммунистическій, на мѣсто заговоровъ, въ которыхъ рабочимъ удѣлялась роль слѣпого орудія, они выдвигали на первый планъ развитіе классоваго сознанія пролетаріата, чувствуя инстинктивно, что это единственная гарантія защиты интересовъ пролетаріата въ буржуазномъ государствѣ, единственная гарантія превращенія буржуазно-демократической революціи въ прелюдію къ соціальной или, какъ многимъ тогда казалось, даже въ самое соціальную революцію. Если старые профессіональные заговорщики искали себѣ образцовъ среди якобинцевъ 93 года, то пролетарскіе элементы новыхъ тайныхъ обществъ обращались къ традиціямъ 9 Термидора, къ бабувизму, воскрешенному Буанароти. На этой почвѣ возникли и нашли живой откликъ въ пролетаріатѣ двѣ системы рабочаго коммунизма — Иккарійскаго Кабэ и Вейтлингіанскаго.

Пролетаріатъ при первомъ пробужденіи своего классоваго сознанія естественно искалъ рѣшенія своихъ задачъ въ прошломъ, но найти это рѣшеніе онъ могъ только въ будущемъ, и историческія тенденціи буржуазнаго общества на столько опредѣлились, что съ большой теоретической высоты уже тогда можно было обозрѣть перспективы его будущаго. Историческая обстановка коммунистическихъ обществъ 40-хъ годовъ была уже мало похожа на историческую обстановку, въ которой возникъ коммунистическій заговоръ Бабефа. Съ того времени экономическія противорѣчія капиталистическаго строя не только углубились, но стали прямо зіяющими. Подъ ихъ давленіемъ, съ одной стороны, разсѣялось не мало иллюзій великой революціи: „единая и нераздѣльная" буржуазная демократія дифференцировалась на антагонистическія группы, а „классическая" буржуазная идеологія въ лицѣ великихъ утопистовъ подвергла себя безпощадной самокритикѣ. Подъ ихъ давленіемъ, съ другой стороны, на фонѣ экономической и политической жизни все рѣзче стала обозначаться физіономія новаго революціоннаго класса — пролетаріата, передовые элементы котораго начали уже инстин-

ктивно отмежевываться отъ своихъ прежнихъ политическихъ руководителей. Діалетическое развитіе философіи и общественной науки чутко отразило весь этотъ сложный историческій процессъ и учло его въ ученіи Маркса: „оружіе критики“, выкованное революціонной идеологіей буржуазіи, въ рукахъ Маркса обратилось противъ нея же, когда она обнаружила свою историческую ограниченность.

Такимъ образомъ, наука нашла отвѣтъ на вопросы, инстинктивно выдвинутые передовыми элементами европейскаго пролетаріата. Несомнѣнно, что пропасть между научнымъ соціализмомъ и эгалитарнымъ коммунизмомъ членовъ тайныхъ обществъ 40-хъ годовъ была очень велика; но ненасытная жажда теоретическаго знанія и интернаціональное общеніе помогли имъ перешагнуть черезъ эту пропасть. Не случайно, именно германскіе пролетаріи-ремесленники, прошедшіе и превосшедшіе французскую заговорщицкую школу, были первыми прозелитами марксизма. Не случайно, именно въ Лондонѣ — въ центрѣ политической эмиграціи, ими былъ основанъ Союзъ, признавшій Коммунистическій Манифестъ своимъ Credo.

Коммунистическимъ союзомъ завершается первое, *принципіальное* политическое размежеваніе между соціальдемократіей и якобинизмомъ. Въ приведенной выше цитатѣ изъ „Neue R. Revue“ Марксъ нѣсколькими мастерскими штрихами рисуетъ политическую физіономію заговорщическихъ обществъ 30-хъ годовъ. Въ другой книжкѣ онъ также ярко противопоставляетъ ей политическую физіономію Коммунистическаго Союза: „Итакъ, Союзъ Коммунистовъ былъ не конспираторское общество, а общество, которое тайно занималось организаціей пролетарской партіи, потому что германскій пролетаріатъ былъ лишенъ igne et aqua, былъ лишенъ свободы слова, печати и собраній. Подобное общество конспирируетъ противъ status quo лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ паръ и электричество противъ него конспирируютъ. Само собой разумѣется, что такое тайное общество, которое ставитъ себѣ цѣлью *образованіе не правительственной, а оппозиціонной партіи будущаго*[1]), представляетъ мало привлекательнаго для тѣхъ господъ, которые, съ одной стороны, скрываютъ свое личное ничтожество подъ театральной мантіей конспираціи, съ другой стороны, удовлетворяютъ свое ограниченное честолюбіе въ первый день ближайшей революціи, для которыхъ на первомъ планѣ важно играть роль въ данную минуту, получить долю изъ демагогической добычи и быть привѣтствованными демократическими базарными крикунами“[2]).

---

[1]) Курсивъ Маркса.

[2]) См. K. Marx. Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln. S. 55, 56. Соціальдемократія, которая съ самаго момента своего зарожденія

Мы видѣли, что Коммунистическій Союзъ, по своему составу, по задачамъ, которыя себѣ ставили уже давно его члены — развитіе классоваго самосознанія, а главное, по программѣ, которую онъ принялъ, можетъ быть признанъ вполнѣ соціальдемократической организаціей. Было бы, однако, ошибочно думать, что теоретическое знамя Маркса и Энгельса было хоть сколько нибудь по плечу этой первой ячейкѣ интернаціональной соц.-дем. Первая фаза соціальдемократическаго движенія повсюду и вездѣ носила характеръ „сектантскій“, кружковой. Эта форма организаціи, „являясь первоначально сильнымъ рычагомъ движенія, становится для него препятствіемъ, какъ только оно его переростаетъ. Это дѣтство пролетарскаго движенія, подобно тому, какъ астрологія есть дѣтство науки“. „Секты“, кружки необходимы для выработки достаточнаго контингента теоретическихъ руководителей движенія, безъ которыхъ не мыслима соціальдемократія. Но широкіе слои пролетаріата развиваютъ свое сознаніе не въ академіяхъ и лабраторіяхъ соціализма, а въ открытой политической и экономической борьбѣ, несовмѣстимой съ замкнутой сектантской организаціей. Эти мысли, высказанныя Генеральнымъ Совѣтомъ Интернаціонала, нужно имѣть ввиду при оцѣнкѣ Коммунистическаго Союза, который принадлежалъ также къ упомянутой категоріи сектантскихъ организацій. Не смотря на то, что онъ въ концѣ своего существованія (въ 50 году) имѣлъ эмиссаровъ и секціи въ разныхъ странахъ, не смотря на то, что одна Германія въ то время насчитывала 17 отдѣленій Союза, онъ былъ оторванъ отъ широкихъ экономическихъ и политическихъ движеній европейскаго пролетаріата 40-хъ годовъ. Онъ послужилъ идейной школой для цѣлаго ряда революціонеровъ-коммунистовъ, игравшихъ видную роль въ 48 году, а въ послѣдствіи въ Интернаціоналѣ, но какъ *партійная* организація онъ не могъ выдержать перваго серьезнаго политическаго испытанія.

Опытъ революціи 48 года наглядно объясняетъ разницу между сектой и политической партіей. *Эта революція наглядно показала, что тѣсныя рамки секты не могутъ вмѣстить задачъ политической партіи.* Когда революція разразилась, большинство нѣмецкихъ членовъ Коммунистическаго Союза вернулось въ Германію, чтобы принять участіе въ политической жизни своей родины. Захваченные водоворотомъ революціи, они сразу потеряли взаимную организа-

---

вела борьбу съ заговорщическимъ якобинствомъ, должна тѣмъ не менѣе воздать ему дань исторической справедливости. Заговорщическій якобинизмъ послужилъ въ свое время хорошей революціонной школой, которую *зарождающаяся* соціальдемократія должна была пройти и превзойти. Только попытки задержать процессъ эмансипированія соціальдемократіи отъ якобинизма, а тѣмъ болѣе повернуть ее назадъ къ якобинизму, должны быть признаны глубоко реакціонными.

ціонную связь и каждый въ отдѣльности сталъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ. Гораздо больше, однако, чѣмъ въ этой неспособности механически связать своихъ членовъ, незрѣлость *организаціи* Коммунистическаго Союза и всѣхъ другихъ сектантскихъ обществъ 40 годовъ, выразилась въ томъ, что они наканунѣ революціи не создали въ европейскомъ пролетаріатѣ базиса для самостоятельной классовой политики въ широкомъ стилѣ. При первыхъ раскатахъ революціонной грозы Марксъ и Энгельсъ, основавши наскоро коммунистическій клубъ въ Парижѣ и выпустивши революціонный манифестъ, направились въ Германію. Тамъ, въ Кельнѣ, въ центрѣ рейнской провинціи, они блестяще выполнили свой долгъ, какъ *отдѣльные* революціонеры-коммунисты, но, какъ члены коммунистической *партіи* пролетаріата, они не могли тогда дѣйствовать, потому что въ моментъ революціи не оказалось на лицо не только такой партіи, но и элементовъ ея. Въ этотъ рѣшительный моментъ, разсказываетъ Энгельсъ, „мы не желали поучать коммунизму въ тощей газеткѣ и создать секту вмѣсто крупной партіи дѣйствія, для этого мы слишкомъ хорошо изучили утопистовъ“. Исходя изъ этихъ соображеній, исходя изъ того, что въ 48 году самостоятельную роль могла играть только буржуазная демократія, коммунисты Марксъ и Энгельсъ примкнули къ лѣвому крылу демократіи, вступили въ демократическій союзъ и стали издавать свой знаменитый органъ „Новую Рейнскую Газету“. Этотъ органъ велъ съ коммунистической точки зрѣнія смѣлую и блестящую кампанію за буржуазную революцію противъ абсолютизма и феодализма. Но такъ какъ ихъ газета была „органомъ демократіи“, такъ какъ она была разсчитана на буржуазно демократическую аудиторію, то она удѣляла мало мѣста антагонизму пролетаріата и буржуазіи, проявляющемуся уже въ буржуазной революціи, удѣляла мало мѣста рабочему движенію революціоннаго періода.[1]) Только весной 49 года, когда политическое банкротство буржуазной демократіи стало несомнѣннымъ, Марксъ и Энгельсъ перемѣнили тактику. Они оффиціально заявили, что, „въ настоящей организаціи демократическихъ союзовъ слишкомъ много разношерстныхъ элементовъ..., что цѣлесообразнѣе создать, болѣе тѣсныя организаціи рабочихъ союзовъ“. Въ то же время въ „Новой Рейнской Газетѣ“ начали печататься статьи Маркса о наемномъ трудѣ и капиталѣ и статьи Вольфа о силезскихъ милліардахъ, имѣвшія большое агитаціонное значеніе для сельскаго пролетаріата. Но газета скоро должна была прекратить свое существованіе. Другіе члены Коммунистическаго Союза съ самаго начала революціи стали агитиро-

[1]) См. F. Mehring. Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassal. B. III.

вать въ пролетаріатѣ: Моль и Шапперъ издавали органъ для кельнскаго рабочаго союза, Вольфъ изъ Бреславля велъ агитацію въ силезскомъ пролетаріатѣ, а Стефанъ Борнъ создалъ въ Берлинѣ и въ Лейпцигѣ первую крупную политическую организацію рабочихъ. Однако, и на дѣятельности Стефана Борна не могло не отразиться то, что до революціи въ Германіи не была подготовлена почва для самостоятельной классовой политики пролетаріата. Пришпориваемый быстрымъ ходомъ революціонныхъ событій, желая сгруппировать въ своей организаціи возможно болѣе широкіе круги рабочихъ, Стефанъ Борнъ „приспособилъ“ программу къ уровню развитія отсталаго берлинскаго пролетаріата, благодаря чему она представляла изъ себя эклектическую смѣсь принциповъ Коммунистическаго Манифеста съ разными идейными пережитками цеховыхъ временъ[1])... Послѣ революціи 48-го года Коммунистическій Союзъ былъ снова возстановленъ и даже значительно расширилъ свои связи, но очень не на долго.

Іюньское пораженіе парижскаго пролетаріата, послужившее сигналомъ ко всеобщей европейской контръ-революціи, задавило первые побѣги интернаціональнаго движенія пролетаріата и круто оборвало соціальдемократическую полосу этого движенія на ея первой сектантской фазѣ. Наступилъ первый „кризисъ марксизма“, о которомъ, кстати говоря, возвѣстилъ ни кто иной, какъ самъ Карлъ Марксъ въ воззваніи Центральнаго Комитета Коммунистическаго Союза 50 года. Пролетаріатъ, который во время революціи 48 и 49 годовъ еще недоразвился до самостоятельной классовой политики, благодаря предательству руководившей имъ буржуазной демократіи, разочаровался не только въ *ея* политикѣ, но и въ политикѣ *вообще*; на этой почвѣ анархизмъ Прудона на долго укоренился въ сознаніи пролетаріата романскихъ странъ, во Франціи, Бельгіи и во французской Швейцаріи. Другимъ результатомъ Іюньскаго пораженія было временное возрожденіе въ прежней сферѣ вліянія марксизма, заговорщицкаго якобинства 30 годовъ. Ледрю-Роленъ, Луи-Бланъ, Мадзини, Кошутъ, Руге и другіе радикалы эмигранты, толпившіеся въ то время въ Лондонѣ въ большомъ количествѣ, придумывали разныя „революціи“ и распредѣляли между собой въ воображеніи будущія „временныя правительства“ всѣхъ европейскихъ странъ. Этой революціонной „алхиміей“ заразились также нѣкоторые члены Коммунистическаго Союза. Виллихъ и Шапперъ, которые не могли примириться съ предсказаніями Маркса, откололи часть союза и занялись за-

[1]) Въ переводѣ на нашъ партійный жаргонъ тактика Маркса въ „Новой Рейнской Газетѣ“ была тактикой „хожденія во всѣ классы“, а тактика Стефана Борна — „экономизмомъ“. Обѣ эти тактики, какъ я объяснялъ, были въ 48 году результатомъ того, что революціонныя событія застали соціальдемократію врасплохъ въ ея незрѣлой сектантской фазѣ развитія.

говорщицкими затѣями, которые кончились такъ, какъ это часто бываетъ: организація запуталась въ полицейской паутинѣ и пала жертвой провокаціи и предательства.

Анархизмъ и якобинство — вотъ тѣ сорныя травы мелко-буржуазной идеологіи, которыя выросли на скошенной нивѣ молодой, не окрѣпшей еще соціальдемократіи. Съ этимъ явленіемъ мы еще разъ встрѣтимся во время слѣдующаго „кризиса марксизма".

* * *

Второй подъемъ интернаціональнаго движенія пролетаріата начался въ 60-хъ гг. и ознаменовался образованіемъ Международнаго Общества Рабочихъ (64-73 г.г.). Въ это время Марксъ опять выступаетъ на открытую политическую арену и становится главнымъ руководителемъ интернаціональной соціальдемократіи.

Международное Общество Рабочихъ — Интернаціоналъ — какъ и Коммунистическій Союзъ 47 года, не было кѣмъ либо „придумано"; оно возникло стихійно и при томъ, по иронiи судьбы, не безъ содѣйствія „маленькаго" Наполеона. По его иниціативѣ въ 62 году была снаряжена делегація французскихъ рабочихъ, выбранныхъ общимъ голосованіемъ на Лондонскую выставку. Въ Лондонѣ установилась интимная связь между французскими и англійскими рабочими. Часть французскихъ делегатовъ осталась въ Лондонѣ, поддерживая оттуда сношенія съ товарищами на родинѣ. Манифестаціи въ честь польскихъ мятежниковъ дали новый поводъ къ свиданію французскихъ делегатовъ съ англійскими рабочими. Видный дѣятель англійскихъ трэд-юніоновъ, Оджеръ, въ своемъ адресѣ къ гостившимъ въ Лондонѣ „французскимъ братьямъ" отъ угнетенія Польши перешелъ къ угнетенію рабочихъ и обратилъ вниманіе на важность интернаціональныхъ рабочихъ конгрессовъ. Такъ постепенно зрѣла мысль объ Интернаціоналѣ, который былъ, наконецъ, оффиціально основанъ въ 64 году на митингѣ въ Мартенсъ-Голлѣ. Въ этотъ моментъ въ стихійное развитіе событій вмѣшивается сознательная воля исторической личности. Изъ двухъ проектовъ устава новаго общества, предложенныхъ Мадзини и Марксомъ, коммиссія приняла второй, и съ тѣхъ поръ Марксъ становится душой Интернаціонала: всѣ манифесты и значительную часть инструкцій Генеральнаго Совѣта Интернаціонала составлялъ Марксъ, который оффиціально занималъ въ Совѣтѣ скромное мѣсто члена корреспондента нѣмецкой секціи.

Какое историческое мѣсто объективно занималъ Интернаціоналъ, какую историческую задачу онъ субъективно долженъ былъ себѣ поставить? Въ этихъ вопросахъ, отдавалъ себѣ ясный отчетъ съ самаго начала только авторъ Комму-

нистическаго Манифеста. Въ одномъ циркулярѣ Генеральнаго Совѣта онъ пишетъ: „Для того чтобы учрежденіе Интернаціонала стало возможнымъ, необходимо было, чтобы пролетаріатъ прошелъ первую свою фазу (сектантскую). Въ отличіе отъ фантастическихъ сектантскихъ организацій, Интернаціоналъ есть реальная воинствующая организація рабочихъ всѣхъ странъ, связанныхъ другъ съ другомъ общей борьбой противъ капиталистовъ, земельныхъ собственниковъ и ихъ классоваго господства, организованнаго въ государствѣ. Поэтому уставъ Интернаціонала знаетъ только рабочія общества преслѣдующія всѣ одну и ту же цѣль, принимающія всѣ одну и ту же программу, которая ограничивается указаніемъ общихъ крупныхъ чертъ движенія пролетаріата и предоставляетъ дальнѣйшую теоретическую ея выработку импульсамъ, даннымъ необходимостью практической борьбы, и идейному обмѣну между секціями, допускающимъ безразлично всѣ соціалистическія убѣжденія въ своихъ органахъ и въ своихъ конгрессахъ“. Задача, намѣченная для Интернаціонала Марксомъ и единомышленниками, была ясна, но выполненіе ея было чрезвычайно трудно, потому что элементы изъ которыхъ стихійно сложился Интернаціоналъ, не сходились въ пониманіи даже самыхъ „общихъ крупныхъ чертъ движенія пролетаріата“. Эти элементы, отражавшіе тогдашній уровень развитія пролетаріата разныхъ странъ, были крайне разношерстны: тамъ были французскіе мутуэлисты — прудонисты и бланкисты, англійскіе тред-юніонисты, польскіе и италіанскіе революціонеры и, наконецъ, нѣмецкіе коммунисты. О взглядахъ французскихъ мутуэлистовъ можно составить себѣ представленіе по докладной запискѣ, представленной делегатами французской секціи на первый женевскій конгрессъ Интернаціонала. Они были по убѣжденію республиканцы, но принципіально воздерживались отъ политики; они сочувствовали освобожденію Польши отъ ига русскаго деспотизма, но находили, что „экономическая“ организація пролетаріата не должна реагировать на такія событія, какъ польскій мятежъ; на мѣсто уничтоженія классоваго господства, они ставили себѣ цѣлью водвореніе „равенства классовъ“. По вопросу о женскомъ трудѣ и женской эмансипаціи они выдвигали принципъ: „мѣсто женщины не на форумѣ, а у домашняго очага“! они были противъ общеобязательнаго обученія, потому что оно стѣсняетъ индивидуальную свободу; по тѣмъ же соображеніямъ они были противъ законодательнаго нормированія рабочаго дня; вмѣсто этого они требовали установленія минимума заработной платы во имя принципа „равенства и взаимности услугъ“; они возставали противъ стачекъ во имя „свободнаго договора“; они утверждали, что капиталъ такъ же необходимъ для производства, какъ и трудъ, и что рѣшеніе

соціальнаго вопроса заключается въ уничтоженіи борьбы между ними путемъ учрежденія свободныхъ кооперацій для организаціи правильнаго обмѣна на началахъ взаимности, и уничтоженія „процента“. Они были противъ допущенія мыслящаго пролетаріата — интеллигенціи въ Интернаціоналъ и стояли за самую широкую автономію мѣстныхъ секцій Интернаціонала. Такова была мѣщанская программа анархистовъ-прудонистовъ, или, какъ они себя называли, мутуэлистовъ. Англійскіе трэд-юніонисты гораздо сознательнѣе относились къ задачамъ пролетаріата, чѣмъ мутуэлисты: они энергично отстаивали необходимость борьбы труда и капитала въ области профессіональной и живо интересовались всѣми политическими вопросами, но въ области политики они стояли не на точкѣ зрѣнія коммунистической, а на точкѣ зрѣнія либерализма. Они вѣрно уловили основную соціальную проблему капиталистическаго общества: „По мѣрѣ увеличенія могущества машинъ“, пишутъ они въ своемъ адресѣ, „необходимость въ человѣческомъ трудѣ должна все болѣе и болѣе уменьшаться. Что же сдѣлаютъ съ тѣми, которыхъ лишаютъ работы? Должны ли они оставаться праздными и участвовать въ конкурренціи? Оставить ли ихъ умирать съ голоду“? и т. д. Поставивши вѣрно проблему, они тѣмъ не менѣе совершенно не способны были ее рѣшить со своей точки зрѣнія либерализма: „Мы убѣждены“, говорятъ они дальше, „что эти вопросы должны быть рѣшены и что для этого необходимы соединенныя усилія всѣхъ, какъ философовъ, государственныхъ людей, историковъ, такъ и работодателей (!) и рабочихъ всѣхъ странъ“. Большинство элементовъ Интернаціонала объединяла одна смутная идея, что освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ рабочаго класса. Но правильно понимали смыслъ этой формулы только нѣмецкіе коммунисты; большинство же другихъ вкладывали въ нее такое содержаніе, благодаря которому формула превращалась въ свою противоположность. Отсюда видно, на сколько трудна была задача, которую долженъ былъ выполнить Интернаціоналъ. Но эти трудности пропустили изъ того, что нить соціальдемократическаго движенія оборвалась въ 50 гг., а когда движеніе возстановилось въ эпоху Интернаціонала, старыя сектантскія формы для него оказались слишкомъ тѣсными, и оно *сразу* приняло характеръ открытой широкой борьбы. Если вѣрно, что соціальдемократія должна была сдѣлать этотъ шагъ впередъ, а это несомнѣнно, то въ самыхъ условіяхъ, создавшихъ затрудненія, должны были заключаться средства для ихъ преодолѣнія. Средства эти Марксъ предвидѣлъ, исходя изъ своихъ общихъ принциповъ. Марксъ, по словамъ Энгельса, „былъ вполнѣ увѣренъ, что *умственное развитіе рабочаго класса*, которое должно было явиться *неизбѣжнымъ плодомъ совмѣст-*

наго дѣйствія и обсужденія, было вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ за полную побѣду въ будущемъ положеній, высказанныхъ въ Манифестѣ. *События и перипетіи борьбы* съ капиталомъ, побѣды, а еще болѣе пораженія *непремѣнно должны были* обнаружить передъ борющимися полную недостаточность тѣхъ панацей, которыхъ они придерживались, и *сдѣлать ихъ головы болѣе доступными для основательнаго пониманія* истинныхъ условій для эмансипаціи рабочихъ"[1]). „И Марксъ былъ правъ", прибавляетъ Энгельсъ. Исходя изъ этихъ положеній, Марксъ далъ Интернаціоналу вначалѣ такую программу и такой уставъ, которые способны были бы фактически объединить европейскій пролетаріатъ на тогдашнемъ уровнѣ его развитія. Въ этой программѣ не было ничего такого, что противорѣчило бы принципамъ марксизма, но самая общность и неопредѣленность ея и нѣкоторыя прудонистскія ея выраженія были несомнѣннымъ компромиссомъ. Люди, понимающіе марксизмъ метафизически, догматически, уже въ самомъ словѣ компромиссъ усматриваютъ противорѣчіе съ этимъ ученіемъ. Слѣдуетъ, однако, строго различать компромиссъ, который дѣлается *насчетъ* принциповъ и главныхъ цѣлей движенія отъ компромиссовъ въ *интересахъ* именно этихъ принциповъ и цѣлей. „Нѣмецкіе коммунисты потому и коммунисты", писалъ Энгельсъ противъ бланкистовъ въ 74 году, „что они черезъ всѣ промежуточные этапы и компромиссы которые созданы не ими, а историческимъ развитіемъ, ясно прозрѣваютъ и твердо преслѣдуютъ конечную цѣль"[1])... Только въ этомъ смыслѣ тактика Маркса въ Интернаціоналѣ была компромиссная, и исторія блестяще оправдала его тактику[2]).

Толэнъ и другіе французскіе делегаты, принадлежавшіе къ самымъ отсталымъ прудонистскимъ элементамъ Интернаціонала уѣхали съ первой Лондонской конференціи очень довольные только что принятымъ уставомъ; но имъ вскорѣ пришлось разочароваться. Уже на первомъ Женевскомъ конгрессѣ Генеральному Совѣту, опиравшемуся на англійскихъ делегатовъ и на нѣмецкихъ коммунистовъ, удалось преодолѣть сопротивленіе прудонистовъ и провести резолюцію, которая по существу высказывалась за ограниченіе ра-

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Я долженъ, все таки, замѣтить, что тактика „открытыхъ дверей", которую такъ умѣло примѣнялъ или, точнѣе, использовалъ Марксъ въ Интернаціоналѣ, въ *такихъ размѣрахъ* цѣлесообразна была только въ движеніи интернаціональнаго масштаба, въ которомъ *общія тенденціи* движенія пролетаріата пробиваются съ большой стихійной силой. Въ національномъ движеніи предѣлы этой тактики болѣе тѣсны. Здѣсь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ политическій тактъ долженъ рѣшить, какая *степень* „идейнаго размежеванія" должна *предшествовать* формальному партійному объединенію. Политическій тактъ долженъ провести партію черезъ Сциллу идейнаго разброда и Харибду сектантскихъ расколовъ.

бочаго дня, хотя по формѣ являлась компромиссной. При помощи той же комбинаціи ему удалось провести резолюцію въ пользу стачекъ съ знаменательнымъ прибавленіемъ: „въ то же время „М. О. Р.“ имѣетъ болѣе возвышенную цѣль — уничтоженіе наемнаго труда“. Въ вопросѣ объ обязательномъ образованіи ему удалось одержать побѣду, разъединивши швейцарцевъ отъ французовъ. Только въ вопросѣ о женскомъ трудѣ побѣду одержали прудонисты. Послѣ Женевскаго конгресса Французская секція Интернаціонала, вопреки своей доктринѣ, вынуждена была обстоятельствами поддержать нѣсколько крупныхъ стачекъ, а впослѣдствіи Интернаціоналъ систематически поддерживалъ всякое крупное стачечное движеніе. На Лозанскомъ конгрессѣ (67 г.) въ резолюціи по поводу ассоціацій удалось подчеркнуть идею, что современное развитіе промышленности постепенно сдѣлаетъ невозможнымъ мелкое производство и что соціальное преобразованіе можетъ окончательно разрѣшиться только при помощи средствъ, „дѣйствующихъ на все общество въ цѣломъ“. На этомъ же конгрессѣ была принята резолюція, что „соціальная эмансипація рабочихъ нераздѣльна съ его политической эмансипаціей и что завоеваніе политической свободы есть дѣло самой настоятельной необходимости“. Наконецъ, на этомъ же конгрессѣ Интернаціоналъ составилъ резолюцію противъ милитаризма и заключилъ союзъ съ радикальной „Лигой Мира“, связавши ее извѣстными обязательствами. Послѣ Лозанскаго конгресса Интернаціоналъ, опираясь на бланкистовъ, вопреки сопротивленію прудонистовъ, принялъ участіе въ политическихъ манифестаціяхъ во Франціи, направленныхъ противъ римской экспедиціи Наполеона. На Брюссельскомъ конгрессѣ (68 г.) направленіе Маркса и Генеральнаго Совѣта было уже господствующимъ. На этомъ конгрессѣ была проведена резолюція о коллективной собственности на землю, лѣса, копи, пути сообщенія, указывающая подробно пути къ націонализаціи. На Базельскомъ конгрессѣ (69 г.) Бакунинъ пытался отмѣнить эти резолюціи, составленныя въ духѣ „авторитарнаго коммунизма“, но конгрессъ еще болѣе рѣшительно высказался въ этомъ смыслѣ[2]). Такъ постепенно углублялось классовое сознаніе Интернаціонала, наряду съ расширеніемъ сферы его вліянія: начавъ свою дѣятельность во Франціи и Англіи, онъ вскорѣ раскинулъ свои сѣти въ Швейцаріи, Бельгіи и Испаніи. Въ тѣсной связи съ идейнымъ объединеніемъ росла сплоченность Интернаціонала и централизованность его организаціи. Уже на первой Лондонской конференціи Интернаціонала былъ проведенъ организаціонный

[1]) См. F. Engels, Internationales aus dem Volkstaat (71—75), s. 45.

[2]) См. Fribourg. Association internationale des travailleurs.

принципъ, запрещающій развѣтвленіямъ, секціямъ и группамъ называть себя особыми „сектантскими“ именами, какъ напримѣръ, вѣтвь позитивистская, мутуэлистская, коллективистская и т. д., запрещающій образованіе „отдѣльныхъ, сектантскихъ“ группъ преслѣдующихъ *спеціальныя функціи* внѣ той общей цѣли, которая преслѣдуется всѣми группами Интернаціонала“. На Базельскомъ конгрессѣ былъ проведенъ рядъ резолюцій, обезпечивающихъ Генеральному Совѣту возможность постояннаго контроля и принципіальнаго руководства мѣстными группами и секціями, обезпечивающихъ его освѣдомленность, дающихъ ему право на рѣшающій голосъ при возникновеніи споровъ между мѣстными группами, дающихъ ему право утвержденія или временнаго закрытія до конгресса того или другого мѣстнаго общества, съ вѣдома національныхъ союзовъ. Кстати замѣтимъ, что по ироніи судьбы „право распущенія“ обществъ было дано Генеральному Совѣту по настоянію анархиста Бакунина и къ нему же единственно Генеральный Совѣтъ впослѣдствіи былъ вынужденъ его примѣнить. На Гаагскомъ конгрессѣ „право распущенія“ было обставлено цѣлымъ рядомъ гарантій противъ возможныхъ злоупотребленій (оповѣщеніе и опросъ всѣхъ федерацій по требованію двухъ третей ихъ, созывъ конференціи делегатовъ и т. д.[1]) Такимъ образомъ, Интернаціоналъ въ процессѣ международной классовой борьбы, благодаря дополняющему другъ друга опыту секцій, благодаря обмѣну мнѣній, а главное благодаря политически дальновидному и тактически умѣлому руководству Генеральнаго Совѣта, успѣлъ въ сравнительно короткое время подняться отъ общихъ и неопредѣленныхъ положеній устава Интернаціонала на высоту принциповъ Коммунистическаго Манифеста и фактически сплотился въ такую организованную силу, которая нагоняла трепетъ на весь буржуазный міръ Западной Европы. О томъ, какъ буржуазное общество оцѣнивало Интернаціоналъ, можно судить по словамъ его буржуазнаго историка Оскара Тестю: „Интернаціоналъ истинный бичъ; нашъ долгъ повелительно требуетъ бороться противъ него всѣми силами; существованіе нашего общества поставлено на карту. Граждане и капиталисты! ваши дни сочтены; бодрствуйте, будьте на стражѣ; медлить нельзя!“

Исторія, къ сожалѣнію, не оправдала опасеній буржуазнаго общества. Наступилъ 71-ый годъ; пролетаріатъ вновь былъ подвергнутъ великому историческому испытанію и не выдержалъ этого испытанія; пораженіе Парижской коммуны вызвало второй „кризисъ марксизма“, подобно тому, какъ іюньское пораженіе вызвало первый его кризисъ. Кризисъ этотъ начался прежде всего въ нѣдрахъ самого Интернаці-

[1]) „Neue Zeit“ Beiträge zu einer Geschichte der Internationale von M. Bach.

онала. Бакунинъ, опираясь на „деклассированные“ буржуазные элементы Интернаціонала, образовалъ внутри этого общества и подъ его флагомъ извѣстную: „Alliance de la democratie socialiste“, которая поставила себѣ цѣлью разрушить „автократическій“ Интернаціоналъ и замѣнить его „всеразрушительнымъ революціоннымъ союзомъ“. Усилія его были тщетны до Парижской Коммуны, но послѣ нея они увѣнчались успѣхомъ: на Гаагскомъ конгрессѣ (75 г.) Бакуниъ, Гильомъ и вся „Alliance“, были исключены изъ Интернаціонала, но съ ними вмѣстѣ откололась значительная часть романскихъ секцій. Пока большинство еще было на сторонѣ Генеральнаго Совѣта. Генеральный Совѣтъ, для спасенія знамени Интернаціонала, былъ переведенъ, по настоянію Маркса, въ Америку. Это было скрытое отступленіе въ боевомъ порядкѣ, которое послужило началомъ конца. Второй, Бакунинскій Интернаціоналъ, впрочемъ, не пережилъ стараго. Разрушивши Интернаціоналъ, онъ не въ силахъ былъ создать на его мѣсто ничего другого. Такимъ образомъ, послѣ 71 года, какъ и послѣ 49-го, пораженіе европейскаго пролетаріата вызвало рецедивъ мелкобуржуазной революціонной идеологіи въ формѣ анархизма. Недоставало, какъ будто, еще другой формы ея — якобинизма; но достаточно познакомиться хоть съ отчетомъ составленнымъ Марксомъ, Энгельсомъ и еще тремя членами Генеральнаго Совѣта о бакунистскомъ „Аллiансѣ“, чтобы убѣдиться, насколько родственны эти двѣ формы мелкобуржуазной революціонной идеологіи, чтобы убѣдиться, что это двѣ стороны одной и той же медали. Для иллюстраціи я приведу нѣсколько характерныхъ цитатъ изъ указаннаго отчета Маркса. [1])

„Всѣ соціалисты думаютъ, что когда цѣль движенія пролетаріата ..... будетъ достигнута, власть государства ..... исчезнетъ, и государственныя функціи преобразуются въ простыя административныя функціи. „Аллiансъ“ понимаетъ дѣло наоборотъ: она возвѣщаетъ анархію въ рядахъ пролетаріевъ, какъ непогрѣшимое средство для разрушенія могущественной концентраціи политическихъ и соціальныхъ силъ въ рукахъ эксплуататоровъ“. Какъ же практически осуществить эту анархію? Для этого Бакунинъ прибѣгаетъ къ ..... ея антитезѣ, къ якобинизму: „Нужно, говоритъ онъ, создать генеральный революціонный штабъ, состоящій изъ людей преданныхъ, энергичныхъ, сознательныхъ .... и способный быть посредникомъ между революціонной идеей и народными инстинктами“. По поводу этого плана Марксъ замѣчаетъ: приписывать такую роль сотнѣ „интернаціональныхъ братьевъ“, значитъ „вырыть непроходимую пропасть

[1]) См. L'Alliance de la democratie socialiste et l' assiociat. intern. des travailleure, Rapports et documents.

между революціонной идеей „Альянса“ и пролетарскими массами, значитъ признать невозможность рекрутировать эту гвардію внѣ привилегированныхъ классовъ“. Основной принципъ организаціи Бакунина Марксъ формулируетъ въ двухъ словахъ: „Доктрина „Альянса“ — *анархія снизу, дисциплина сверху*“. Этотъ принципъ Бакунинъ послѣдовательно провелъ въ организаціи „Альянса“. „Центральный Комитетъ, присвоившій себѣ учредительную и законодательную власть всего „Альянса“, самъ себя назначилъ. Исполнительная делегація Ц. К. — Женевская секція, была не выбрана Центральнымъ Комитетомъ, а сама себя назначила; центральное исполнительное бюро этой секціи было не выбрано ею, а навязано ей группой лицъ, препоручившихъ свои полномочія гражданину Бакунину...“. Національные комитеты бакунинской интернаціональной организаціи, по плану Бакунина, „должны были стараться такъ организовать альянсъ въ каждой странѣ, чтобы онъ находился подъ господствомъ Центральнаго Комитета и чтобы она была представлена на конгрессахъ членами этого Ц. К.“. „Эта тайная деспотическая и іерархическая организація“, замѣчаетъ Марксъ, „обезпечивая диктатуру Бакунина, нуждалась для прикрытія своей наготы въ нѣкоторой демократической фразѣ“. Для этой цѣли уставъ говоритъ о періодическихъ публичныхъ генеральныхъ собраніяхъ всего „Альянса“, т. е. о съѣздахъ. Но Ц. К. черезъ посредство національныхъ совѣтовъ долженъ былъ, согласно уставу, такъ „*направить*“[1]) и организовать мѣстныя группы, чтобъ онѣ присылали на конгрессы въ качествѣ делегатовъ только членовъ Ц. К., либо же за ихъ недостаткомъ лицъ, *абсолютно преданныхъ его направленію*[2])... для того, чтобы Ц. К. могъ всегда держать *въ своей властной рукѣ*[3])... всю организацію“. Резюмируя характеристику „Альянса“, Марксъ иронически восклицаетъ: „И эти инструкціи даны не бонапартистскимъ министромъ или префектомъ на канунѣ выборовъ, а врагомъ централизма, великимъ анархистомъ, апостоломъ организаціи снизу вверхъ..., баярдомъ свободныхъ федерацій автономныхъ группъ, святымъ Михаиломъ Бакунинымъ для увѣковѣченія его самовластія“! То, что Бакунинъ строилъ въ Западной Европѣ, его ученикъ и агентъ Нечаевъ пересадилъ на русскую почву. Правда, нечаевская организація была фикціей, но за то вполнѣ реаленъ былъ тотъ политическій развратъ, который Нечаевъ распространялъ словомъ и дѣломъ и который былъ возведенъ въ принципъ въ знаменитомъ „революціонномъ катехизисѣ“, помѣщенномъ въ „Народной расправѣ“. Рево-

---

[1]) Курсивъ Маркса.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже.

люціонная этика есть всегда не причина, а слѣдствіе извѣстной революціонной тактики; тактика же Нечаева, переведенная на этическій языкъ, означала демагогію, мистификацію, заподазриваніе всего и всѣхъ, терроризированіе своихъ адептовъ вплоть до убійства несогласно-мыслящихъ, вплоть до политическаго компрометированія непричастныхъ къ революціи лицъ, для того чтобы отрѣзать имъ путь къ отступленію и сдѣлать ихъ покорнымъ орудіемъ таинственной организаціи... Расколъ въ Интернаціоналѣ былъ только частнымъ проявленіемъ того общаго кризиса въ соціальдемократіи, который разразился въ 70-хъ гг. во всей Европѣ. Въ Бельгіи, Швейцаріи и Франціи рабочее движеніе, выросшее и развившееся вмѣстѣ съ Интернаціоналомъ, вмѣстѣ съ нимъ же и исчезло, оставивъ только нѣкоторую анархическую пѣну. Въ Испаніи бакунистское теченіе взяло верхъ надъ марксистскимъ, и во время тамошняго революціоннаго взрыва 1873 года бакунисты на практикѣ „дали блестящій примѣръ, какъ не слѣдуетъ дѣлать революцію“. Въ Германіи движеніе не было связано никогда организаціонно съ Интернаціоналомъ, но существовало соотвѣтствіе идейное: въ концѣ 60-хъ и и началѣ 70 годовъ одна фракція этого движенія держалась принциповъ Лассаля, другая — Эйзенахцы были болѣе или менѣе марксисты. Послѣ Готскаго объединительнаго конгресса (75 г.) и въ германскомъ соціальдемократическомъ движеніи начинается разбродъ: основанный въ 77 году журналъ „Будущее“ выступаетъ прямо съ антимарксистской программой, другая соціальдемократическая газета „Новое общество“ не имѣетъ никакой программы; въ то же время на Маркса и Лассаля обрушивается съ яростью и пріобрѣтаетъ сильное вліяніе въ партіи новый апостолъ соціализма, Дюрингъ — якобинецъ въ филистерской шкурѣ нѣмецкаго профессора, провозвѣстникъ „абсолютныхъ истинъ послѣдней инстанціи“, поклонникъ культа „героевъ“, поклонникъ „Марата, Бабефа и Байрона“. Въ Австріи въ 60 годахъ рабочее движеніе успѣло быстро развиться отъ лассальянства къ марксизму. Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг. и оно подпадаетъ подъ вліяніе общаго кризиса: оно заражается анархизмомъ и „пропагандой дѣйствія“; въ немъ получаетъ преобладаніе „радикальное“ направленіе, признающее безполезность всѣхъ политическихъ правъ. Нѣмецкая секта отщепенцевъ Моста, не нашедшая отклика въ Германіи находитъ здѣсь благопріятную почву, и на авансцену выступаетъ анархическій демагогъ Пейкертъ, превратившійся впослѣдствіи въ полицейскаго анархиста. Кризисъ отражается даже въ Россіи въ умственномъ движеніи русской революціонной интеллигенціи, которая дѣлаетъ въ идейномъ отношеніи громадный шагъ назадъ отъ Чернышевскаго и Добролюбова къ Бакунину...

Революціонный анархизмъ и якобинство, распространявшіеся послѣ крупныхъ пораженій европейскаго пролетаріата съ быстротой эпидеміи, были исторически запоздалыми, а потому и каррикатурными откликами великихъ событій французской революціи. По мѣрѣ того, какъ духъ революціи покидалъ буржуазную демократію, по мѣрѣ того, какъ традиціи 93 и 48 годовъ отходили въ область далекаго прошлаго, подобные рецедивы становились все менѣе возможными въ революціонномъ движеніи. По этому второй „кризисъ марксизма“ былъ послѣднимъ въ этомъ родѣ. Только въ странахъ, которыя находятся еще наканунѣ своей буржуазной революціи, какъ, напримѣръ, въ Россіи, соціалистическому движенію могутъ теперь угрожать подобныя заболѣванія.

* * *

Въ 80-хъ гг. начинается новый подъемъ международнаго движенія пролетаріата, и вновь воскресаетъ два раза похороненный марксизмъ. Соціальдемократія на этотъ разъ вступаетъ въ свою третью, высшую фазу. Пора Коммунистическаго Союза была порою дѣтства соціальдемократіи. Эта организація была замкнутой школой, выработавшей сотню-другую идейныхъ руководителей пролетаріата. Интернаціоналъ 60-хъ гг. вышелъ изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ „секты“; онъ сдѣлалъ первую попытку реализовать идеи Коммунистическаго Манифеста въ массовомъ рабочемъ движеніи. Онъ практически училъ „въ движеніи пролетаріевъ различныхъ націй выдѣлять и отстаивать общіе, независимые отъ національности, интересы всего пролетаріата“. Но и эти рамки съ теченіемъ времени стали слишкомъ тѣсны для соціальдемократіи. „Выдѣлять и отстаивать *независимые отъ національности* интересы“ не значитъ еще рѣшить ея интернаціональную проблему. Національные интересы пролетаріата не являются чѣмъ то внѣшнимъ, нѣкоторымъ придаткомъ къ общимъ интересамъ пролетаріата всѣхъ странъ. Они, напротивъ того, составляютъ полное, конкретное содержаніе этихъ общихъ интересовъ, точно такъ же, какъ національное развитіе каждаго отдѣльнаго буржуазнаго государства не стоитъ ни въ какомъ отношеніи „внѣ закона“ развитія всего буржуазнаго общества въ цѣломъ. Національные интересы существуютъ у пролетаріата только въ томъ смыслѣ, что ему приходится въ каждой странѣ считаться со специфической національной *комбинаціей* тѣхъ же самыхъ общественныхъ классовъ и общественныхъ отношеній, которые существуютъ въ болѣе или менѣе развитой формѣ во всякомъ буржуазномъ обществѣ. Эта національная комбинація общественныхъ отношеній, *консолидированная въ государствѣ*, создаетъ необходимость въ національной партійной организаціи и программы, не въ отмѣну и не въ дополненіе общихъ прин-

циповъ соціальдемократіи, а ради ихъ осуществленія. Поэтому интернаціональная проблема пролетаріата можетъ быть только тогда рѣшена, когда пролетаріатъ каждой страны выработалъ себѣ такую программу борьбы съ собственнымъ классовымъ государствомъ, формулированную въ терминахъ интернаціональнаго соціализма. Только тогда наглядно обнаруживается, что всякая сложная національная задача пролетаріата можетъ быть разложена на болѣе простые основные элементы общей задачи пролетаріата всѣхъ странъ, только тогда обнаруживается, что несмотря на различіе исторической обстановки, основные интересы пролетаріата всюду одни и тѣ же. Марксъ это, конечно, съ самаго начала хорошо зналъ. Въ томъ самомъ Коммунистическомъ Манифестѣ, который кончается словами: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ онъ писалъ: „Если не по сущности, то по формѣ борьба пролетаріата противъ буржуазіи есть борьба національная. Пролетаріатъ каждой страны естественно долженъ покончить прежде всего со своей собственной буржуазіей“ [1]). Но для образованія національныхъ партій и программъ, составленныхъ въ интернаціональныхъ терминахъ марксизма, европейскій пролетаріатъ долженъ былъ пройти большую историческую школу, и онъ ее прошелъ къ тому времени, когда онъ сталъ оправляться отъ кризиса 70-ыхъ гг. Во Франціи еще въ 77 году Гедъ, Лафаргъ и Девилль стали издавать газету „Egalité “въ духѣ научнаго соціализма. Въ 79 году на Марсельскомъ конгрессѣ марксизмъ одержалъ послѣднюю рѣшительную побѣду надъ прудонизмомъ; тутъ же впервые было заложено основаніе первой національной марксистской партіи во Франціи — „Parti ouvrier Français“, которая въ 80 году выработала себѣ программу при содѣйствіи Маркса. Правда, эта партія не въ состояніи была объединить весь организованный французскій пролетаріатъ; наряду съ ней существовали партіи брусистская, бланкистская, аллеманистская; но важно то, что всѣ онѣ признавали если не теорію Маркса, то его политическую классовую тактику. То же можно сказать и про Бельгію. Въ 79 году тамъ образовалась первая „Бельгійская соціалистическая партія“, а въ 85 году, по иниціативѣ Вольдерса, Анселе и Цезаря Депапа тамъ была основана понынѣ существующая „Рабочая Пар-

[1]) Послѣднія слова Маркса не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, въ какомъ смыслѣ онъ говоритъ о „національной“ борьбѣ. Въ этомъ смыслѣ и я употребляю здѣсь слово „нація“ — въ смыслѣ народа извѣстнаго государства. Такъ какъ объектомъ классовой, а стало быть политической борьбы, является государство, то образованіе національной партіи въ указанномъ смыслѣ есть необходимая ступень въ развитіи интернаціональной классовой борьбы пролетаріата. Напротивъ того, образованіе національныхъ партій въ другомъ сыыслѣ этого слова — раздѣленіе партіи на отдѣльныя національныя организаціи внутри одного государства—является шагомъ назадъ отъ интернаціонализма къ „національному“.

тія". Она тоже не формулировала своей программы въ марксистскихъ терминахъ; но она сразу стала на точку зрѣнія классовой борьбы пролетаріата и поставила себѣ цѣлью завоеваніе политической власти пролетаріатомъ. Въ томъ же 79 году Голландскій „Соціальдемократическій Союзъ" принялъ программу германской соціальдемократіи. Въ самой Германіи партійное объединеніе произошло въ 75 году на Готскомъ конгрессѣ; но это, какъ я говорилъ уже, не спасло германской соціальдемократіи отъ вліянія общаго кризиса 70-хъ годовъ. Дѣйствительное идейное объединеніе партіи тамъ тоже произошло лишь въ 80-хъ годахъ, въ періодъ дѣйствія исключительнаго закона противъ соціалистовъ. Въ 78 году появился въ печати „Anti-Düring" Энгельса — книга, которая покончила разъ на всегда съ дюрингіанствомъ, и, что гораздо важнѣе, дала германской партіи въ трудное время оружіе, которымъ она до того совершенно не умѣла пользоваться — методъ діалектическаго матеріализма. Въ 80 году Бернштейнъ сталъ издавать центральный органъ партіи — „Соціальдемократъ". Пользуясь постоянно совѣтами и указаніями Энгельса, Бернштейнъ сумѣлъ придать своей газетѣ строго принципіальную выдержанность. На почвѣ безпощадной борьбы съ анархизмомъ Моста, на почвѣ такой же безпощадной борьбы съ соціальной демагогіей Бисмарка, этотъ органъ идейно строилъ партію и подготовилъ ее къ принятію въ 91 году строго марксистской программы на Эрфуртскомъ партейтагѣ. Въ Австріи національное партійное объединеніе, сближеніе между лѣвыми и правыми началось въ 86 году. Въ томъ же году Адлеръ сталъ издавать свою газету „Gleichheit", которая во главѣ другихъ, въ то же время возникшихъ органовъ, не мало содѣйствовала уничтоженію идейнаго разброда въ австрійскомъ соціальдемократическомъ движеніи. Итоги этому процессу идейнаго объединенія подвелъ Гайнфельдскій партейтагъ, который въ 88 году далъ австрійской соціальдемократической партіи прочную основу въ марксистской программѣ. Съ этого же времени начали и до сихъ поръ не прекращаютъ складываться національныя соціалистическія партіи во всемъ мірѣ, въ Англіи, Италіи, Венгріи, Болгаріи, Россіи, Американскихъ Штатахъ, Японіи, Аргентинѣ... Соціалистическое знамя стало развѣваться во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ земного шара, и въ то же время ученіе Маркса стало единственнымъ ученіемъ интернаціональнаго пролетаріата. Это достаточно обнаружили международные соціалистическіе конгрессы: Парижскій 89 года, Цюрихскій конгрессъ 93 г. Овваціи, устроенныя на этомъ конгрессѣ Энгельсу, свидѣтельствовали наглядно о томъ, какую власть надъ умами пріобрѣлъ марксизмъ въ соціалистическомъ мірѣ.

И вотъ, въ то самое время, когда марксизмъ завоевалъ

соціалистическій міръ, наступаетъ то, чего, казалось бы, меньше всего можно было ожидать, наступаетъ новый „кризисъ марксизма“, пресловутый „бернштейніанскій“, о которомъ искренніе враги и неискренніе друзья пролетаріата „шумѣли“ цѣлыхъ четыре года (96 — 900). Въ отличіе отъ предыдущихъ, этотъ кризисъ не былъ слѣдствіемъ какого-нибудь крупнаго политическго пораженія пролетаріата; напротивъ, онъ подкрался къ соціальдемократіи какъ воръ, когда она праздновала свои побѣды, и это придавало ему особенно коварный характеръ. Казалось, что когда пролетаріатъ, почти послѣ вѣковой борьбы, приблизился, наконецъ, къ своей завѣтной цѣли, она потеряла для него заманчивость, и онъ самовольно отъ нея отрекся. Бернштейнъ и большинство его приверженцевъ, по ихъ увѣреніямъ, не навязывали соціальдемократіи никакой новой тактики, напротивъ того, они говорили: Was sie ist das wage sie zu scheinen! Они говорили, что соціальдемократія сама превратилась въ мирную партію соціальныхъ реформъ. Пусть же же она оставитъ свою устарѣлую марксистскую революціонную фразеологію, которая ей вовсе не къ лицу. Что же случилось?

Случилось то, что соціальдемократія, ставшая крупной общественной силой, переживала кризисъ силы, а буржуазная демократія, появившаяся въ послѣдній разъ на соціалистической аренѣ, обнаружила послѣдній жизненный порывъ, предшествующій смертельной агоніи.

Непрерывные успѣхи соціальдемократіи заставляли буржуазныя партіи тѣснѣе смыкать свои ряды. По мѣрѣ того, какъ соціальдемократія становилась единственной партіей революціи, буржуазія все болѣе сплачивалась въ единую партію порядка и реакціи. Промежуточные демократическіе элементы ея рѣдѣли; очутившись между двумя жерновами, они либо поворачивали направо, либо уносились потокомъ соціальдемократіи. И вотъ, когда въ судорожномъ развитіи капиталистическаго общества наступила пора промышленнаго расцвѣта, когда противорѣчія этого общества временно ушли въ глубь, эти буржуазно-демократическіе попутчики (Mitläufer) соціальдемократіи на время ожили, ободрились и стали на свой ладъ комментировать и разоблачать смыслъ того историческаго движенія, которое ихъ стихійно увлекло за собой. Со вздохомъ облегченія они поспѣшили „съ того берега“ возвѣстить *своему*, буржуазному міру, которому соціальдемократія *казалась* революціонной, что она вовсе уже не такъ страшна, что она въ дѣйствительности *есть* мирная партія реформъ. Но компетентные ли цѣнители соціальдемократіи эти буржуазно-демократическіе ея „спутники“? Революціонный духъ, а вмѣстѣ съ нимъ революціонный *методъ* мышленія давно отлетѣлъ отъ старушки — буржуазной демократіи; въ ея памяти сохра-

нились лишь одни закостенѣлые *шаблоны* старыхъ буржуазныхъ революцій. Но соціальная революція пролетаріата не можетъ быть выкроена по шаблону буржуазныхъ революцій. Не удивительно поэтому, что буржуазные демократы видѣли и не разумѣли, куда ихъ несетъ историческій потокъ. Неудивительно, что, побывавши въ кунтскамерѣ соціальдемократіи, они слона то не примѣтили, а разсмотрѣли только работу въ парламентскихъ коммиссіяхъ, въ сеніоренъконвентахъ, работу въ больничныхъ кассахъ, въ кооперативахъ, въ профессіональныхъ организаціяхъ, сотрудничество съ буржуазными партіями и т. д.

Однако, предсмертныя иллюзіи умирающей соціалистической буржуазной демократіи недолго тѣшили ихъ трезвыхъ буржуазныхъ собратьевъ. Раньше чѣмъ успѣли закончиться споры о „теоріи кризисовъ“, наступилъ самый кризисъ капиталистическій, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ рѣзкостью выступили наружу всѣ непримиримыя противорѣчія современнаго буржуазнаго общества. Тогда въ лагерѣ соціальдемократіи заговорили новые, или вѣрнѣе, старые голоса, заговорили люди, вооруженные не догматическими шаблонами, а острымъ оружіемъ діалектическаго метода Маркса. При помощи этого метода, они объяснили не только *куда* идетъ современная соціальдемократія, но *и откуда* произошли иллюзіи ея буржуазно-демократическихъ „попутчиковъ“.

Буржуазно-демократическіе попутчики говорили: прочтите, что писалъ Либкнехтъ въ своей извѣстной брошюрѣ 69 года и посмотрите, что дѣлаютъ теперь его единомышленники. Прежде соціальдемократія занималась только *критикой*, теперь она занимается *положительной* работой. Да, отвѣчали марксисты, мы занимаемся положительной работой, потому что для партіи, имѣющей милліоны членовъ, именно *положительная* работа, при правильномъ освѣщеніи ея, есть незамѣнимое *средство* для наглядной *критики* буржуазнаго общества: наша положительная работа показываетъ самымъ отсталымъ слоямъ пролетаріата, насколько тѣсны рамки для нея въ современномъ обществѣ, и демонстрируетъ передъ ними весь механизмъ современныхъ классовыхъ противорѣчій. Дѣйствительность показываетъ не то, что соціальдемократія измѣнила своей революціонной тактикѣ, а то, что, ставши партіей народныхъ массъ, она приблизилась къ своей революціонной цѣли.

Буржуазно-демократическіе „попутчики“ говорили: соціальдемократія, устами Энгельса, признала, что въ настоящее время *законная почва* наиболѣе выгодна для нея. Да, отвѣчали марксисты, мы въ свободныхъ странахъ стоимъ на законной почвѣ и будемъ на ней стоять, пока она для насъ выгодна; но именно поэтому, что она теперь такъ выгодна

для насъ, она скоро должна будетъ стать несносной для буржуазнаго государства. Для избѣжанія мирной революціи снизу, оно должно будетъ въ свободныхъ странахъ устроить, раньше или позже, насильственную контръ-революцію сверху, и оно теперь уже грозится посягнуть на основныя политическія права народа тамъ, гдѣ ростъ соціальдемократіи принимаетъ слишкомъ угрожающіе размѣры, какъ, напр., въ Германіи. Дѣйствительность показываетъ не то, что соціальдемократія стала отрицать неизбѣжность революціи, а то, что исторія увеличиваетъ шансы ея успѣха, сваливая всю тяжесть отвѣтственности за насилія на буржуазное государство.

Буржуазно-демократическіе „попутчики“ говорили: соціальдемократія устами Энгельса признала, что время *баррикадъ* минуло. Да, отвѣчали марксисты; но это значитъ, во первыхъ, лишь то, что баррикадный бой въ будущемъ, вѣроятно, не будетъ играть роли метода революціи par excellence, а будетъ играть роль только въ отдѣльныхъ эпизодахъ борьбы; это не значитъ, во вторыхъ, что развитіе общественныхъ отношеній не создаетъ новыхъ методовъ революціи въ смыслѣ насильственнаго переворота. Баррикадный бой былъ формой борьбы, наиболѣе приспособленной къ мелкобуржуазнымъ революціямъ[1]). При баррикадной борьбѣ судьба революцій рѣшалась въ столицахъ, что вполнѣ естественно для буржуазной революціи, которая есть всегда возстаніе „незначительнаго сознательнаго меньшинства, стоящаго во главѣ безсознательныхъ массъ“. Соціальная же революція пролетаріата предполагаетъ активное и сознательное участіе въ борьбѣ пролетарскихъ массъ во всей странѣ. Баррикады служили центромъ импровизированной организаціи ранѣе ничѣмъ не связаннаго населенія мелкобуржуазныхъ и рабочихъ кварталовъ. Соціальная революція предполагаетъ давно сложившуюся прочную организацію пролетаріата, не нуждающуюся въ искусственныхъ средствахъ объединенія. Успѣхъ баррикадной борьбы, въ концѣ концовъ, опредѣлялся всегда ея моральнымъ эффектомъ — дезорганизаціей, которую она вносила въ административный и военный механизмъ государства. Но развѣ современное массовое, дисциплинированное и сознательное движеніе пролетаріата менѣе дезорганизующимъ образомъ подѣйствуетъ на весь административный механизмъ въ моментъ революціи? Развѣ въ рѣшительный моментъ къ этимъ массовымъ движеніямъ не можетъ пристать часть арміи, превративъ, такимъ образомъ, массовыя политическія стачки и демонстраціи въ побѣдоносную гражданскую войну? Развѣ армія, рекрутированная при общей воинской повинности въ значительной степени изъ пролетарі-

[1]) См. Parvus. Wohin führt die polit. Massregelung der Socialdemokratie? 1897.

евъ, обладаетъ большей силой моральнаго сопротивленія революціи, чѣмъ національная гвардія 40-хъ годовъ? Дѣйствительность показываетъ не то, что соціальдемократія лишилась средствъ для революціи, а то, что она чужда фетишизма передъ старыми средствами буржуазныхъ революцій.

Наши буржуазно-демократическіе попутчики видятъ, но не разумѣютъ, куда идетъ соціальдемократія, и не могутъ разумѣть, потому что они по старости живутъ только воспоминаніями, историческими шаблонами. Но „соціальная революція не можетъ черпать свою поэзію изъ прошлаго, она должна ее черпать изъ будущаго. Она не можетъ стать сама собой, не отказавшись отъ всякаго суевѣрнаго почитанія старины. Прежнимъ революціямъ необходимы были всемірно-историческія воспоминанія о прошедшемъ, чтобы заглушить въ себѣ мысль о своемъ собственномъ содержаніи...“ Соціальная революція „должна предоставить мертвецамъ хоронить своихъ мертвыхъ, чтобы уяснить себѣ собственное содержаніе“.

* * *

Въ 43 году, Марксъ писалъ Ругэ: „Міръ давно грезитъ тѣмъ, чѣмъ онъ въ дѣйствительности овладѣетъ, лишь только оно проникнетъ въ его сознаніе... Мы не говоримъ міру: оставь свою борьбу; она безсмысленна, мы тебѣ дадимъ истинный девизъ борьбы. Мы только показываемъ ему, изъ-за чего, собственно, онъ борется, а сознаніе это — такая вещь, которую онъ долженъ будетъ усвоить, еслибъ даже онъ этого не хотѣлъ“. Въ то время, когда Марксъ писалъ эти строки, европейскій пролетаріатъ видѣлъ только въ смутныхъ грезахъ пути къ своему освобожденію; съ тѣхъ поръ сознаніе этихъ путей сдѣлалось достояніемъ громаднаго числа пролетаріевъ. Идеи Коммунистическаго Манифеста, которыя наканунѣ 48 года были извѣстны сотнѣ-другой избранныхъ, проникли въ пролетарскія массы, были ими усвоены практически во всевозможныхъ перипетіяхъ классовой борьбы, дали пролетаріату отдѣльныхъ странъ ключъ къ рѣшенію его великой интернаціональной задачи въ сложной конкретной, государственной обстановкѣ. „Побѣды, а еще больше пораженія пролетаріата“ научили его рѣзко отграничивать свои классовые интересы отъ интересовъ буржуазной демократіи, которая, въ какой бы историческій костюмъ она ни рядилась, всегда хлопотала около пролетаріата, то увлекала его на общую борьбу, то измѣняла ему, то разжигала его демагогическими пріемами, то усыпляла его сознаніе. Вмѣстѣ и въ тѣсной связи съ углубленіемъ классоваго сознанія пролетаріата, росли его организованность и сплоченность. Такъ безсознательный историческій процессъ

готовилъ сознательное орудіе для соціальной революціи, которая не будетъ имѣть себѣ подобной въ исторіи, ни по своей конечной цѣли, ни даже по своимъ пріемамъ. И вотъ теперь, когда эта революція надвигается, когда приближается рѣшительный моментъ борьбы пролетаріата съ буржуазіей за диктатуру, пролетаріатъ наиболѣе передовыхъ странъ можетъ съ спокойною самоувѣренностью смотрѣть въ глаза событіямъ. Въ чемъ же залогъ его побѣды? Въ конечномъ счетѣ — въ его организованности и въ дезорганизованности буржуазнаго государства, которыя резюмируютъ истекшую исторію борьбы двухъ общественныхъ классовъ — пролетаріата и буржуазіи. Эта организованность пролетаріата не есть какая-нибудь панацея, какой либо секретъ, придуманный профессіональными революціонерами соціальдемократіи для того, чтобъ сдѣлать ее непобѣдимой: она вполнѣ дана тѣмъ *политическимъ содержаніемъ*, который вся прошлая исторія вложила въ ея нынѣшнія *партійныя формы*, точно такъ же, какъ внутренняя дезорганизованность современнаго буржуазнаго государства есть глубокая, хотя и скрытая болѣзнь, подготовленная всей исторіей политическаго упадка буржуазіи. Европейскія буржуазныя государства систематически укрѣпляютъ свой административный и военный аппаратъ, систематически накопляютъ и совершенствуютъ свои орудія подавленія, систематически достраиваютъ и перестраиваютъ свою внѣшнюю организацію, и тѣмъ не менѣе, ихъ внутренняя дезорганизованность растетъ, потому что буржуазныя правительства большинства странъ уже неспособны ставить себѣ, а тѣмъ болѣе выполнять какія-либо крупныя національныя проблемы, потому что ихъ политика становится все болѣе близорукой, мелочной, противорѣчивой и нерѣшительной. И наоборотъ.

Внѣшнія организаціонныя рамки европейскихъ соціальдемократическихъ партій могутъ быть разбиты однимъ шальнымъ декретомъ, однимъ coup de main какого-нибудь новаго Наполеона III. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ той или другой европейской странѣ, въ моментъ критической температуры, правительство, съ согласія или противъ воли парламента, закроетъ цѣлый рядъ, а то и всѣ организаціи пролетаріата, закроетъ его типографіи, арестуетъ его вождей и т. д. И что же? Могутъ ли, напримѣръ, такія насильственныя мѣры разрушить организованность германскаго пролетаріата, могутъ ли онѣ уничтожить запасъ политическаго опыта и классоваго сознанія, накопленныхъ исторіей въ его головахъ, могутъ ли онѣ порвать тѣ узы солидарности, которыми связала рабочихъ долголѣтняя классовая борьба, могутъ ли онѣ помѣшать пролетаріату выдвинуть новыхъ вождей и возстановить въ другой формѣ свою организаціонную технику? Думать, что такими мѣрами

можно теперь уничтожить организованность пролетаріата такъ же нелѣпо, какъ предположить, что арестомъ Мирабо и Сіэса, Дантона или Робеспьера можно было бы въ свое время задавить Великую Революцію. Бисмаркъ попробовалъ въ 78 году исключительнымъ закономъ уничтожить „дѣйствительную конституцію“ германскаго пролетаріата; замѣшательство въ его рядахъ продолжалось не больше года, а затѣмъ онъ быстро оправился, приспособился къ измѣнившимся условіямъ и какъ разъ подъ исключительнымъ закономъ одержалъ свои наиболѣе блестящія побѣды. А можно ли сравнивать современную трехмилліонную германскую партію съ молодой, только что объединенной партіей, пережившей серьезный и длинный кризисъ конца 70 годовъ? Итакъ, главный связующій цементъ современныхъ европейскихъ соціальдемократическихъ партій заключается въ ихъ политическомъ содержаніи, въ сознательности и солидарности пролетаріата.

И именно потому, что шансы на окончательную побѣду надъ буржуазіей обезпечиваются пролетаріату не формальными преимуществами его организаціи надъ организаціей правительствъ, эти шансы въ высокой степени должны возрости въ моментъ революціи, которая сразу разсѣиваетъ весь гипнозъ разныхъ формальныхъ, рутинныхъ нормъ, которая со стихійной силой разрываетъ всѣ узлы, механически скрѣпляющіе общество. Въ такой моментъ побѣда должна быть на сторонѣ того класса, который больше всего можетъ противостоять вліянію стихійности, который меньше всего теряетъ голову. А такимъ классомъ можетъ быть только пролетаріатъ, прошедшій основательную соціальдемократическую школу, научившійся въ капризной игрѣ историческихъ силъ распознавать необходимый поступательный ходъ историческаго развитія, въ которомъ чувство классовой солидарности преодолѣло чувство стадности, котораго исторія зарядила достаточной дозой сознательнаго недовѣрія ко всякаго рода демагогическимъ фразамъ и пріемамъ, откуда бы они ни исходили.

Мартыновъ.